
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА**CURRICULUM**

2000.03.019. ПАРК Р.Э. ГОРОДСКОЕ СООБЩЕСТВО КАК ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КОНФИГУРАЦИЯ И МОРАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК.

PARK R.E. The Urban community as a spatial pattern and a moral order // Park R.E. Human communities. The City and Human Ecology. — Glewé (III): The free press, 1952.—P. 165-177.

Около 30 лет назад профессор Эугениус Варминг из Копенгагена опубликовал небольшую книжку *“Растительные сообщества” (Plantesamfund)*. Наблюдения Варминга привлекли внимание к тому факту, что разные виды растений склонны образовывать постоянные группы, которые были названы сообществами. Оказалось, что растительные сообщества проявляют много черт, роднящих их с живыми организмами. Они складываются постепенно, проходят в своем развитии через определенные характерные стадии и под конец разрушаются, уступая место другим сообществам, очень отличным от них. Эти наблюдения позднее стали отправной точкой для целого ряда исследований, которые с тех пор обрели известность как *“Экология”*.

Экология — постольку, поскольку она пытается описать действительное распределение растений и животных на земной поверхности, — в некотором совершенно реальном смысле является географической наукой. Человеческая экология, как стало принято говорить среди социологов, не тождественна, однако, ни географии, ни даже человеческой географии. Не отдельный человек, а сообщество; не связь человека с землей, на которой он обитает, а его связь с другими людьми—вот что нас больше всего интересует.

В пределах каждого естественного ареала распределение популяции имеет тенденцию принимать определенные и типичные

конфигурации. Каждая локальная группа представляет более или менее определенную констелляцию индивидуальных единиц, ее образующих. Форма, которую эта констелляция принимает, или, иначе говоря, положение каждого индивида в сообществе по отношению к любому другому индивиду, поскольку его можно описать в общих терминах, образует то, что Дюркгейм и его школа называют морфологическим аспектом общества¹.

Человеческая экология, как ее понимают социологи, стремится вынести на передний план не столько географию, сколько пространство. В обществе мы живем не только вместе, но в то же время по отдельности, и человеческие отношения всегда можно рассчитать с большей или меньшей точностью в терминах дистанции. Поскольку социальная структура может быть определена через позиции, социальные изменения можно описать в терминах движения; и общество в одном из своих аспектов проявляет такие свойства, которые можно измерить и описать в математических формулах.

Локальные сообщества можно сравнить с точки зрения ареалов, которые они занимают, и с точки зрения относительной плотности населения в этих ареалах. Сообщества не являются, однако, простыми скоплениями населения. Города, и особенно крупные города, где отбор и сегрегация населения зашли наиболее далеко, проявляют ряд морфологических свойств, не встречающихся в меньших по размеру популяционных агрегатах.

Одним из сопутствующих размеру свойств является разнородность. При прочих равных условиях, более крупное сообщество будет иметь более широкое разделение труда. Проведенное несколько лет назад исследование имен выдающихся людей, перечисленных в справочнике *Who's Who*, показало, что в одном крупном городе (Чикаго) было, помимо 509 родов занятий, приведенных в каталоге переписи, еще 116 других родов занятий, классифицируемых как профессии. Число профессий, требующих специальной и научной подготовки для практической работы, есть показатель и критерий интеллектуальной

¹ Географов, вероятно, мало интересует социальная морфология как таковая. В свою очередь, социологов она очень интересует. Географы, как и историки, традиционно интересовались больше действительным, чем типическим. Где вещи действительно располагаются? Что действительно произошло? Вот вопросы, на которые пытались ответить география и история. См. *“Введение в географическую историю”* Люсьена Февра.

жизни сообщества. Ибо интеллектуальная жизнь сообщества измеряется не только общим уровнем познаний среднего гражданина и даже не только средним для сообщества коэффициентом интеллекта, но и той степенью, в какой для решения проблем сообщества — так, как здравоохранение, промышленность и социальный контроль, — были применены рациональные методы.

Одна из причин, почему города всегда были центром интеллектуальной жизни, состоит в том, что они не только сделали возможной, но и фактически навязали индивидуализацию и диверсификацию задач. Только когда каждый индивид приобретает право и становится вынужденным сосредоточивать свое внимание на какой-то узкой области общего человеческого опыта, только когда он приучается сосредоточивать свои усилия на каком-то небольшом сегменте общей задачи, только тогда может поддерживаться та широчайшая кооперация, которой требует цивилизация.

В интересном и плодотворном докладе, прочитанном в 1922 г. в Вашингтоне на заседании Американского социологического общества, проф. Берджесс коротко описал процессы, заключенные в росте городов. Обычно рост городов описывался через расширение территории и численный рост населения. Сам город отождествлялся с административной территориальной единицей, населенным пунктом; но город, который нас здесь интересует, — это не официальная административная единица. Скорее это продукт естественных сил, расширяющий свои границы более или менее независимо от тех пределов, которые навязываются ему политическими и административными задачами. Это стало до такой степени признанным фактом, что в любом основательном исследовании города, рассматривается ли он как экономическая или социальная единица, стало считаться необходимым ориентироваться на естественные, а не официальные, городские границы. Так, в исследованиях Нью-Йорк-Сити, проводимых городскими планировщиками под руководством Russell Sage Foundation, Нью-Йорк-Сити включает территорию размером 5500 кв. миль; сюда включаются что-то около сотни меньших административных единиц, городов и деревень с совокупным населением 9 млн. человек.

Мы думали, что рост городов происходит за счет простой агрегации. Однако возрастание численности населения в любой точке городского ареала неизбежно отражается и ощущается в каждой другой части города. Та степень, в какой такое возрастание населения в одной

части города отражается на любой другой, очень во многом зависит от характера местной транспортной системы. Каждое расширение транспортной системы и умножение транспортных средств, связывающих периферию города с центром, обычно приводит к возрастанию масштаба и частоты перемещений людей в центральный деловой район. Это увеличивает скученность населения в центре; в конечном счете, это увеличивает высоту офисных зданий и цены на землю, на которой эти здания стоят. Влияние цен на землю в деловом центре расходитя концентрическими кругами из этой точки во все части города. Если цены на землю в центре стремительно растут, это увеличивает диаметр непосредственно прилегающей к центру территории, которая удерживается для спекулятивных целей. Недвижимость, удерживаемая с целью спекуляции, обычно доводится до обветшания. Она легко приобретает характер трущобы; иначе говоря, она превращается в район случайного и непостоянного населения, в зону грязи и запущенности, “благотворительных миссий и потерянных душ”. Эти запущенные и иногда полностью заброшенные районы становятся местами первого поселения иммигрантов. Здесь располагаются наши гетто и иногда наши богемные кварталы, “гринвичские деревни”, где художники и радикалы ищут прибежища от фундаментализма и ротарианской буржуазности, да и вообще от всяких ограничений и притеснений мещанского мира. Каждый крупный город обычно имеет свою “гринвичскую деревню”, так же, как и свой Уолл-Стрит.

Рост города включает в себе не просто прибавление численности, но и все те сопутствующие изменения и движения, которые неизбежно сопряжены с попытками каждого индивида найти себе место в обширных хитросплетениях городской жизни. Рост новых районов, увеличение числа профессий и родов занятий, непредсказуемое возрастание цен на землю, вызываемое расширением города, — все это включено в процессы роста города и может быть измерено через изменение положения индивида по отношению к другим индивидам и по отношению к сообществу в целом. Цены на землю, например, можно рассчитать через мобильность населения. Самые высокие цены на землю существуют в тех местах, где в течение двадцати четырех часов проходит наибольшее количество людей.

Сообщество, в отличие от индивидов, которые его составляют, имеет неограниченную протяженность жизни. Мы знаем, что сообщества рождаются, расширяются, расцветают на какое-то время, а затем

приходят в упадок. Для человеческих обществ это так же верно, как и для растительных сообществ. Мы до сих пор не знаем сколь-нибудь точно о ритме этих изменений. Мы не знаем, что сообщество переживает по времени индивидов, его составляющих. И это одна из причин, по-видимому, неизбежного и постоянного конфликта между интересами индивида и сообщества. Это одна из причин, почему в растущем городе поддержание общественного порядка обходится дороже, чем в городе, находящемся в состоянии неподвижности или упадка.

Каждое новое поколение должно научиться приравниваться к порядку, который определяется и поддерживается главным образом старшими. Каждое общество навязывает своим членам какой-то род дисциплины. Индивиды растут, включаются в жизнь сообщества, в конечном счете выпадают из нее и исчезают. Но сообщество вместе с тем моральным порядком, который оно в себе воплощает, продолжает жить дальше. Жизнь сообщества, следовательно, заключает в себе своего рода метаболизм. Оно постоянно ассимилирует новых индивидов и столь же неумолимо—вследствие смерти или как-либо иначе — отторгает старых. Но ассимиляция отнюдь не простой процесс; и прежде всего, он требует какого-то времени.

Проблема ассимиляции коренного уроженца — вполне реальная; это проблема воспитания детей в домах и подростков в школах. Но ассимиляция взрослых мигрантов, нахождение для них мест в организации сообщества представляет более серьезную проблему: это проблема обучения взрослого, к которой мы только в последнее время стали относиться с действительно реальным ощущением ее значимости.

Есть еще и другой аспект ситуации, на который мы до сих пор почти не обращали внимание. Сообщества, в которых рост населения достигается за счет преобладания рождаемости над смертностью, и сообщества, население которых растет благодаря иммиграции, проявляют значительные различия. Там, где рост обусловлен иммиграцией, социальное изменение с необходимостью протекает быстрее и является более глубоким. С одной стороны, быстрее растут цены на землю; замена зданий и техники, движение населения, изменения в занятости, рост благосостояния, радикальные изменения в социальном положении — все происходит быстрее. В общем и целом, общество стремится приблизиться к тем условиям, которые ныне считаются характерными для фронта.

В обществе, в котором происходят масштабные и быстрые изменения, возрастает потребность в общественном просвещении такого рода, которого мы обычно достигаем с помощью прессы, дискуссии и разговора. С другой стороны, поскольку личное наблюдение и традиция, на которых базируются, в конечном счете, здравомыслие и более систематичные исследования науки, не могут поспеть за изменениями в условиях жизни, появляется то, что Огборн назвал феноменом «культурного отставания». Наши политические познания и здравый смысл не соответствуют действительным изменениям, происходящим в нашей общей жизни. Результатом, по-видимому, становится то, что публика чувствует себя плывущей по течению, и в то время как число законодательных актов все более растет, действительный контроль неудержимо падает. По мере того как публика осознает тщетность законодательных установлений, рождается спрос на более решительные действия, находящий свое выражение в аморфных массовых движениях, а нередко и вовсе в простых и грубых бесчинствах толпы. Например: линчевания в южных штатах и расовые волнения на Севере.

Поскольку эти беспорядки никак не связаны с движениями населения — а недавние исследования расовых бунтов и линчеваний показывают, что так оно и есть, — изучение того, что мы назвали социальным метаболизмом, может дать нам если уж не объяснение, то хотя бы показатель феномена расовых волнений.

Одним из побочных результатов роста сообщества являются социальный отбор и сегрегация населения, а также создание, с одной стороны, естественных социальных групп и, с другой стороны, естественных социальных ареалов. Мы осознали этот процесс сегрегации в случае иммигрантов, и особенно в случае так называемых исторических рас, т. е. народов, которые — независимо от того, иммигранты они или нет, — отличаются от всех других расовыми признаками. Чайнатауны, Маленькие Сицилии и прочие так называемые «гетто», которыми хорошо знакомы исследователи городской жизни, представляют собой особые разновидности более общего типа естественных ареалов, которые неизбежно создаются условиями и тенденциями жизни города.

Такие сегрегации населения, как эти, происходят, во-первых, на основе языка и культуры и, во-вторых, на основе расы. В пределах этих иммигрантских колоний и расовых гетто неизбежно происходят, вместе с тем, другие процессы отбора, которые порождают сегрегацию, базирующуюся на профессиональных интересах, интеллекте и личных

амбициях. В результате более проницательные, энергичные и амбициозные люди очень быстро покидают свои иммигрантские колонии и гетто и переезжают в ареал второго иммигрантского поселения или, возможно, в многонациональный район, где встречаются и проживают бок о бок члены нескольких иммигрантских и расовых групп. По мере того как узы расы, языка и культуры все более и более ослабевают, удачливые индивиды выходят в люди и со временем находят себе места в бизнесе или в профессиях, оказываясь среди старейшей группы населения, переставшей отождествляться с каким-либо языком или расовой группой. Дело в том, что изменение рода занятий, личный успех или фиаско — короче говоря, изменения экономического и социального статуса — обычно выражаются в изменениях местоположения. Физическая, или экологическая, организация сообщества в долгосрочной перспективе реагирует на профессиональную и культурную организацию и становится ее отражением. Социальный отбор и сегрегация, создающие естественную группу, определяют в то же время и естественные ареалы города.

Современный город в одном важном отношении отличается от древнего. Древний город вырос вокруг крепости; современный город вырос вокруг рынка. Древний город был центром региона, обладавшего относительной самодостаточностью. Товары, которые в нем производились, предназначались главным образом для внутреннего потребления, а не для торговли за пределами локального сообщества. Современный город, в свою очередь, обычно является центром региона с очень высокоспециализированным производством, и вокруг него широко простирается соответствующая торговая зона. При этих условиях основные очертания современного города будут определяться (1) локальной географией и (2) маршрутами транспортных перевозок.

Локальная география, преобразованная железными дорогами и другими основными средствами транспорта, которые неизменно связаны с крупнейшими отраслями промышленности, определяет общие контуры городской планировки. Но эти общие контуры чаще всего дополняются и модифицируются еще одним, другим распределением населения и институтов, центром которого являются центральные районы розничной торговли. Внутри самого центрального района города разные формы бизнеса, магазины, отели, театры, дома оптовой торговли, офисные здания и банки обычно складываются в определенные и характерные конфигурации, как будто бы положение каждой формы бизнеса и

каждого здания в этом районе было в некоторой степени фиксированным и определялось соотношением со всеми другими.

Так и на периферии города промышленные и жилые пригороды, спальные поселки и города-спутники словно каким-то естественным и неизбежным образом находят свои предопределенные места. В границах территории, ограниченной с одной стороны центральным деловым районом, а с другой стороны пригородами, город имеет тенденцию принимать форму ряда концентрических кругов. Эти разные районы, расположенные на разных относительных расстояниях от центра, характеризуются разными уровнями мобильности населения.

Зоной наибольшей мобильности, т. е. движения и изменения населения, является, естественно, сам деловой центр. Здесь расположены гостиницы, места проживания временных постояльцев. Если не учитывать немногих постоянных обитателей этих гостиниц, деловой центр, который и есть город *par excellence*, каждую ночь пустеет и каждое утро вновь наполняется людьми. За пределами Сити, этого “города” в узком смысле слова, находятся трущобы, места обитания поденных рабочих и бродяг. На окраине трущоб, скорее всего, будут находиться районы, уже пребывающие в процессе обветшания, характеризующиеся как “зоны доходных домов”; здесь обитают богемные типы, заезжие авантюристы всех мастей и неприкаянная молодежь обоих полов. Дальше от центра располагаются районы многоквартирных домов; это зона маленьких семей и гастрономов. И наконец, еще дальше расположены районы двухквартирных домов и частных особняков, где люди все еще имеют свои дома и растят детей, что, разумеется, они делают и в трущобах.

Типичное городское сообщество в действительности гораздо сложнее, чем видно из этого описания, а разным типам и размерам городов свойственны свои особые вариации. Главное, однако, состоит в том, что повсюду сообщество тяготеет к соответствию некоторому образцу (pattern), и этот образец неизменно оказывается констелляцией типичных городских ареалов, все из которых могут быть географически локализованы и пространственно определены.

Естественные ареалы являются средами обитания естественных групп. Каждый типичный городской ареал, скорее всего, будет содержать характерную выборку из населения сообщества в целом. В больших городах расхождения в манерах поведения, жизненных стандартах и общих взглядах на жизнь в разных городских ареалах часто прямо-таки

поражает воображение. Половозрастной состав, являющийся, пожалуй, самым важным показателем социальной жизни, удивительно различается в разных естественных зонах. Есть в городе такие районы, в которых почти нет детей, например, районы, занятые гостиницами. Есть районы, в которых число детей относительно велико: в трущобах; в жилых пригородах среднего класса, куда обычно переезжают молодожены после того, как проведут медовый месяц в комфортабельных апартаментах в центре города. Есть и другие ареалы, почти целиком занятые молодыми неженатыми юношами и незамужними девушками. Есть районы, где люди почти никогда не приходят голосовать, кроме как на общенациональных выборах; районы, где уровень разводов выше, чем в любом штате, и другие районы в том же самом городе, где разводов почти не бывает. Есть районы, кишачие подростковыми бандами и спортивными и политическими клубами, в которые отдельные члены этих банд или банды в полном составе нередко вступают. Есть районы, где выходит за все мыслимые пределы уровень суицидов, районы, в которых, согласно статистике, повышенный уровень юношеской делинквентности; и районы, где всего этого почти нет.

Все это подчеркивает значение местоположения, позиции и мобильности как показателей, необходимых для измерения, описания, а в конечном счете и объяснения социальных феноменов. Бергсон определил мобильность как “всего лишь идею движения, которую мы формируем, когда мыслим его само по себе, когда мы, так сказать, от движения абстрагируем мобильность”. Мобильность является мерой социального изменения и социальной дезорганизации, так как социальное изменение почти всегда включает в себе некоторое сопутствующее изменение положения в пространстве, а всякое социальное изменение, даже то, которое мы описываем как прогресс, включает в себе некоторую социальную дезорганизацию. В докладе, на который я ранее уже ссылался, проф. Берджесс указывает, что различные формы социальной дезорганизации, по-видимому, приблизительно коррелируют с изменениями в городской жизни, которые могут быть измерены в терминах мобильности. Все это подталкивает пойти дальше. Поскольку многое из того, к чему исследователи общества обычно проявляют интерес, по всей видимости, тесно связано с положением, распределением и движениями в пространстве, то нет ничего невозможного в том, что всё, обычно понимаемое нами как социальное, можно будет, в конечном счете, истолковать и описать в терминах

пространства и изменений положения индивидов в пределах естественного ареала — иначе говоря, в пределах зоны состязательной кооперации. При таких интересных посылках, как эти, все социальные феномены могли бы, в конце концов, стать предметом измерения, а социология действительно стала бы тем, что некоторые люди пытаются из нее сделать, а именно, ветвью статистики.

Такая схема описания и объяснения социальных феноменов, если бы ее можно было реализовать без чрезмерного упрощения фактов, определенно стала бы счастливым решением некоторых фундаментальных логических и эпистемологических проблем социологии. Достаточно было бы свести все социальные отношения к пространственным отношениям, и стало бы возможно применить к человеческим отношениям фундаментальную логику физических наук. Социальные явления оказались бы сведены к элементарным движениям индивидов так же, как физические явления, химические реакции и свойства материи, тепла, звука и электричества сводятся к элементарным движениям молекул и атомов.

Сложность состоит в том, что в кинетических теориях материи элементы полагаются неизменными. Это, разумеется, и есть то, что мы имеем в виду, когда говорим “элемент” или “элементарный”. Поскольку единственными изменениями, с которыми считаются физические науки, являются изменения в пространстве, все качественные различия сводятся к количественным, и так образуется предмет, поддающийся описанию в математических терминах. В случае человеческих и социальных отношений, в свою очередь, элементарные единицы — ~~и~~ говоря, индивиды (мужчины и женщины), которые вступают в эти различные комбинации, — явно подвержены изменению. Они настолько далеки от того, чтобы представлять собой гомогенные единицы, что всякая окончательная математическая трактовка их представляется невозможной.

Общество, как заметил Джон Дьюи, существует в коммуникации и через коммуникацию, а коммуникация не содержит такого преобразования энергии, какое, видимо, происходит между индивидуальными социальными единицами, например, при внушении или подражании — этих двух состояниях, к которым социологи в разное время пытались свести все социальные явления. Скорее, коммуникация предполагает трансформацию в самих индивидах, которые таким образом общаются. И эта трансформация непрерывно продолжается

вместе с накоплением индивидуальных переживаний в индивидуальных умах.

Если бы человеческое поведение, опять-таки, можно было свести, как это пытались сделать некоторые психологи, к немногим элементарным инстинктам, то применение кинетических теорий физических наук к объяснению социальной жизни было бы менее трудным делом. Но эти инстинкты, если вообще можно сказать, что они существуют, находятся в постоянном процессе изменения вследствие накопления воспоминаний и привычек. И эти изменения настолько велики и постоянны, что трактовка индивидов как постоянных и гомогенных единиц заключает в себе слишком уж много абстракции. Именно поэтому мы в объяснении человеческого поведения и общества приходим, в конце концов, к психологии. Чтобы сделать понятными изменения, происходящие в обществе, необходимо считаться с изменениями, происходящими в тех индивидуальных единицах, из которых это общество кажется образованным. Следствием этого является то, что социальным элементом перестает быть индивид, а выдвигается установка, тенденция индивида к действию. Не индивиды, а именно установки взаимодействуют и, взаимодействуя, поддерживают социальные организации и производят социальные изменения.

Эта концепция означает, что географические барьеры и физические дистанции значимы для социологии только там и тогда, где и когда они определяют условия, при которых актуально поддерживается коммуникация и социальная жизнь. Ведь человеческая география была глубоко преобразована человеческим вмешательством. Телеграф, телефон, газета и радио, превратив мир в один широко раскинувшийся акустический свод, стерли расстояния и разрушили обособленность, разделявшую некогда расы и народы. Новые средства коммуникации неумолимо умножают и, вместе с тем, усложняют социальные отношения. История коммуникации есть история цивилизации, во вполне реальном смысле слова. Язык, письмо, печатный пресс, телеграф, телефон и радио маркируют эпохальные вехи в истории человечества. Однако они, надобно сказать, потеряли бы почти всю свою нынешнюю значимость, если бы не сопровождалась все более широким разделением труда.

Ранее я уже говорил, что общество существует в коммуникации и через коммуникацию. Благодаря коммуникации индивиды участвуют в общем опыте и поддерживают общую жизнь. И именно потому, что

коммуникация имеет такое фундаментальное значение для существования общества, география и все другие факторы, препятствующие или благоприятствующие коммуникации, можно сказать, входят в саму ее структуру и организацию. В таких условиях понятие позиции, дистанции и мобильности приобрело новую значимость. Мобильность важна как социологическое понятие лишь постольку, поскольку она обеспечивает новый социальный контакт, а физическое расстояние значимо для социальных отношений только тогда, когда возможно проинтерпретировать его в терминах социальной дистанции.

Социальный организм—и это одна из наиболее основополагающих и приводящих в замешательство его черт — обрывается из единиц, способных к пространственному передвижению. Тот факт, что каждый индивид способен двигаться в пространстве, гарантирует ему опыт, который будет его частным и особым опытом, и этот опыт, который индивид приобретает в ходе своих приключений в пространстве, предоставляет ему, именно в силу своей уникальности, точку зрения для независимого и индивидуального действия. Именно владение уникальным опытом, осознание этого опыта и диспозиция индивида думать и действовать в заданных им рамках есть то, что делает его, в конечном счете, персоной.

Ребенок, чьи действия определяются главным образом его рефлексам, не имеет поначалу ни такой независимости, ни такой индивидуальности и, по сути говоря, персоной не является.

Именно указанное разнообразие в опытах отдельных людей делает необходимой коммуникацию и возможным согласие. Если бы мы всегда реагировали одинаковым образом на одинаковые стимулы, то, насколько мне представляется, не было бы никакой необходимости в коммуникации, и отсутствовала бы всякая возможность появления абстрактного и рефлексивного мышления. Потребность в знании вырастает из самой необходимости проверять и накапливать эти расходящиеся индивидуальные опыты, а также сводить их к понятиям, которые делают их понятными для всех нас. Рациональный ум — это всего лишь ум, который способен делать свои частные импульсы публичными и доступными для понимания. Задача науки состоит в том, чтобы свести нечленораздельное выражение наших личных чувств к общему миру дискурса и создать из наших частных опытов объективный и интеллигибельный мир.

Мы не только имеем, каждый из нас в отдельности, свои частные опыты, но также со всей остротой их сознаем и очень заботимся о том, чтобы уберечь их от вторжения извне и неверной интерпретации. Наше самосознание и есть наше сознание этих индивидуальных различий опыта, присутствующее вместе с ощущением их конечной непередаваемости. Это основа всех наших тайн, личных и расовых; и это основа наших мнений, установок и предрассудков. Если бы мы были совершенно уверены, что каждый способен увидеть насквозь нас и все то, что мы считаем в нашей собственной оценке своим сугубо личным; если бы, иными словами, мы были, с одной стороны, наивными, как дети, или, с другой стороны, такими же внушаемыми и лишенными чувства приватности, как некоторые истерики, то у нас, вероятно, так никогда бы и не появилось ни персон, ни общества. Ибо некоторая обособленность и некоторая степень неподатливости социальным влияниям и социальному внушению являются как необходимыми условиями здорового общества, так и необходимыми условиями здорового личностного существования. Иметь персоны без приватности так же немислимо, как и иметь общество без персон.

А потому очевидно, что пространство не единственное препятствие для коммуникации и что социальные дистанции далеко не всегда можно адекватно измерить с помощью чисто физических параметров. Конечным препятствием для коммуникации является самосознание, которое есть также и застенчивость.

Каково же значение этого самосознания, этого тайного заповедника, этой застенчивости и стыдливости, которые нам так часто приходится испытывать в присутствии посторонних? Это, разумеется, не всегда страх перед физическим насилием. Это страх перед тем, что мы не произведем хорошего впечатления, боязнь того, что мы выйдем не самым лучшим образом, что нам не удастся удержаться в согласии с нашим представлением о самих себе и, в особенности, что нам не удастся совпасть с тем представлением, которое, как нам хотелось бы, имели о нас другие люди. Мы переживаем эту стыдливую застенчивость и в присутствии наших собственных детей. Только в компании самых близких друзей мы можем полностью расслабиться, сбросить с себя бремя собственного достоинства и почувствовать себя непринужденно. Если где коммуникация и бывает полной, а социальные дистанции, разделяющие индивидов, полностью рушатся, то только в таких обстоятельствах.

Этот мир коммуникации и “дистанций”, в котором все мы стараемся сохранять некоторого рода приватность, личное достоинство и самообладание, представляет собой динамический мир и имеет свой особый порядок и характер. В этом социальном и моральном порядке представление, которое каждый из нас имеет о самом себе, ограничивается представлением, которое каждый другой индивид в том же самом ограниченном мире коммуникации имеет о самом себе и о каждом другом индивиде. Следствием является то — это касается любого общества, — что каждый индивид оказывается втянутым в борьбу за статус: за сохранение собственного престижа, собственной точки зрения и собственного самоуважения. Он способен удержать их, однако, только в той степени, в какой ему удастся добиться признания со стороны любого другого, чья оценка представляется ему важной; иначе говоря, любого другого, который входит в его круг общения или в его общество. Из этой борьбы за статус еще ни одной философии жизни не удалось найти выхода. Индивид, который не заботится о своем статусе в обществе, — это отшельник, даже если местом его уединения становится городская толпа. Индивид, чье представление о самом себе вообще не определяется теми представлениями, которые имеют о нем другие лица, по всей вероятности, сумасшедший.

В конце концов, общество, в котором мы живем, неизменно оказывается моральным порядком, в котором позиция индивида — как его представление о самом себе, составляющее ядро его личности, — определяется установками других индивидов и теми стандартами, которых придерживается группа. В таком обществе индивид становится персоной. Персона — это просто индивид, который где-то, в каком-то обществе, имеет социальный статус. Но статус, в конечном счете, оказывается вопросом дистанции — социальной дистанции.

Именно в силу того, что география, род занятий и все другие факторы, определяющие распределение населения, определяют столь непреодолимо и фатально место, группу и сотоварищей, с которыми каждый из нас вынужден жить, пространственные отношения и приобретают для изучения общества и человеческой природы то значение, которое они для него имеют.

Именно в силу того, что социальные отношения так часто и неизбежно соотносятся с пространственными отношениями, а физические расстояния так часто являются или кажутся показателями социальных дистанций, статистика имеет действительное значение для

социологии. И это верно, в конечном счете, потому, что только в той мере, в какой социальные и психические факты могут быть сведены к пространственным фактам или соотнесены с ними, оказывается возможным какое бы то ни было их измерение.

Перевод В.Г.Николаева